

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО МАНЬЯКА

РОКОВЫЕ ЧИСЛА

ХРОНИКИ СЫСКА

МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС

ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ

МЕРТВЫЙ ОСТРОВ

ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА

ПУЛЯ С КАВКАЗА

ОХОТА НА ЦАРЯ

ТУРКЕСТАН

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

Убийство
церемоний-
мейстера

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*
Иллюстрации *Екатерины Асадчевой*

В оформлении переплета
использовано фото из архива автора

Свечин, Николай.
С24 Убийство церемониймейстера / Николай
Свечин. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
320 с. — (Детектив Российской империи).

ISBN 978-5-699-91010-6

В Петербурге убит церемониймейстер Двора Его Императорского Величества. Неутомимый сыщик Алексей Лыков принимается за расследование этого громкого дела. На первый взгляд все кажется простым и понятным – убийство совершено с целью ограбления. Подозрение сразу же падает на пропавшего лакея. Но Лыков не спешит соглашаться с этой версией – очевидность улики слишком подозрительна. Распутывая клубок придворных интриг, сыщик понимает, что ограбление было лишь прикрытием...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91010-6

© Свечин Н., 2016
© Асадчева Е., иллюстрации, 2016
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

От трех бывалых людей с ножами отбиться нельзя. От одного — трудно, но можно. Чтобы справиться с двумя, уже понадобится везение. А от троих помогут спастись лишь быстрые ноги. Вот Лыков и бежал. Он несся изо всех сил по Газовой, ругая себя мысленно разными неприличными словами. А за ним гнались три гайменника¹ с финками и не собирались отставать.

Лыков летел к Геслеровскому переулку. Там на углу с Пудожской стоит городовой, он-то и спасет незадачливого атлета. Больше всего Алексей злился на себя за шапку. Вчера няня Наташа рассказала ему о горчишниках² на Газовой. Молодые наглые парни щипали женщин за задницу, а с мужчин срывали фуражки. Полиция боялась с ними связываться. Лыков решил проучить хулиганов и отправился туда сегодня в дорожной шляпе из стриженного бобра. Шляпа смотрелась странно в июньскую жару, зато была хорошей приманкой. Она-то и подвела надворного советника. Вместо хулиганов явились головорезы с Горячего поля. Привлеченные бобром, они теперь упрямо преследовали фраера³. Был бы Лыков в обычной шапке, от него уже от-

¹ Г а й м е н н и к — налетчик (*жарг.*). (*Здесь и далее — примеч. авт.*)

² Г о р ч и ш н и к и — хулиганы.

³ Ф р а е р — общее название жертвы (*жарг.*).

стали бы. Но такой барский картуз! Вот дурак-то... Сыщик хотел бросить головной убор, но было жалко денег, отданных за него в Варшаве. И он удирал, хотя холодок страха начал подтачивать силы.

Лыков выскочил на Пудожскую и обомлел. Вдали, на перекрестке, городского не наблюдалось! Ушел с поста? Запросто! Сыщику опять захотелось бросить шляпу, откупиться от преследователей. Но, как только он поглядел на них, припустил с новой силой. Ребята выглядели очень сердитыми: такие снимут бобра вместе с головой...

Тут сыщик наконец вспомнил про свисток. На ходу он вытащил его и дунул что было силы. Немедленно с Геслеровского донесся ответ. А через секунду из-за угла выскочили сразу двое дядек с шашками, и соотношение сил изменилось. Лыков развернулся к гайменникам. Те застыли как вкопанные в десяти саженьях от него. «А у долговязого одышка», — подумал Алексей. И с запозданием рассердился на себя. Он, георгиевский кавалер, словно заяц, драпал от этих харламов! А вот кто-то сейчас за это ответит! И Алексей ринулся в атаку.

Гайменники опешили от такой наглости и потеряли драгоценные две секунды. Пока они разворачивались, пока набирали ход, Лыков уже налетел на них. Одному отвесил пинка, а второму сзади крепко приложил по шее. Однако детина оказался не из слабаков. Сначала он клюнул вперед, будто отвешивал поклон. Но не упал, а изловчился и махнул не глядя финкой. Лезвие чиркнуло сыщика по рукаву сюртука. Поняв, что убежать ему не дадут, налетчик принял стойку и выставил нож. Противники застыли друг напротив друга. Сзади топали сапогами городовые, но не поспевали.

Гайменник посмотрел в глаза Лыкову и сказал, задыхаясь:

— Слышь, барин! Ты лучше меня отпусти... А то ведь я и осерчаю.

Но Алексей уже сам осерчал, и основательно. Будет знать, сволочь, как гонять камер-юнкера! Он решительно шагнул прямо на нож. Гайменник ударил без раздумий. Сыщик увернулся давно отработанным приемом, но руку ломать не стал — пожалел. Перехватил ее левой, а правую пустил снизу в челюсть. От души... Налетчик подлетел на пару вершков вверх и распластался на мостовой.

Тут подбежали наконец городовые и начали заламывать детине руки. Тот был без сознания и сопротивляться не пробовал. Алексей посмотрел на угол. Там стояли два других гайменника и наблюдали, как вяжут их товарища. Сыщик показал им кулак и крикнул:

— Еще раз тут встречу — штифты¹ на затылок передвину!

Ребят как ветром сдуло.

Полицейские подняли пленного, держа его за плечи.

— Положите пока, пусть очухается, — приказал Лыков. — Нож подобрали?

— Угу, — ответил старший, усач с гомбочками городского высшего оклада на плечевых шнурах. — А вы, господин, кто будете? Надо протокол составлять. — И добавил неодобрительно: — Что ж вы на Газовую и в такой казистой шляпе? Думать надо!

— Пойдемте в участок. Оттуда я телефонирую Вощинину². Сыскные вашего арестанта заберут и проверят по картотеке. Вишь, не из тех, что наволочки с чердаков воруют...

— Позвольте...

— Я надворный советник Лыков из Департамента полиции.

Городовые встали во фронт. Младшего Алексей отослал за извозчиком, а старшему велел обыскать пленного. На бекеше у того оказался внутренний карман, а в нем — кистень, свинцовый шарик на ременной петле. В сапоге обнаружился еще один

¹ Штифты — глаза (*жарг.*).

² П. С. Вошинин — в 1892 году начальник Петербургской сыскной полиции.

нож, а сзади за поясом — обшарпанный «смит-вессон» с полным барабаном.

— Однако... — задумчиво пробурчал усач. — Откуда такая взялась? Не было отродясь в моем околотке...

Он протянул начальству вид с печатями мещанской управы города Яранска на имя Ивана Лавочкина. Документ был настоящий.

Во втором участке Петербургской части арестованного даже не стали допрашивать. Помощник пристава, как только увидел его арсенал, сразу отослал злодея в сыскную. Лыкову можно было возвращаться домой — он свое дело сделал, дальше справятся без него. Опять же воскресенье... Но сыщику стало интересно, кого же он изловил. Пошел по рябчика, а налетел на волка. И он поехал с задержанным на Офицерскую, 28.

Даже в неприсутственный день в Казанской части было многолюдно. Алексей сдал налетчика в стол приводов и направился к Воцинину. Платон Сергеевич принял гостя настороженно. Они с Лыковым были знакомы много лет и недолюбливали друг друга. Формально не ссорились, но тень бывшего начальника отделения Виноградова стояла между ними. Воцинин был сослуживцем Ивана Александровича и выдвинулся под его началом. А Лыков, как ученик Благово, унаследовал от Павла Афанасьевича неприязнь к Виноградову за его нечистоплотность. Благово умер, Виноградов вышел в отставку, и теперь лишь их ставленники поддерживали традицию антипатии. Впрочем, делу это не мешало.

Коллежский советник уже получил через телефон рапорт участкового пристава. Газовая ули-

ца — дальняя окраина, и до сих пор она славилась разве что хулиганями. А тут попытка вооруженного ограбления. Возраст задержанного указывал на его опытность, а отобранное оружие — на серьезность намерений. Потому Вощинин скороговоркой поблагодарил коллегу и сразу же поинтересовался: за каким чертом тот поперся на Газовую?

Лыков, немного смущаясь, рассказал о своем плане. Смущался он потому, что план отдавал мальчишеством. Чиновник седьмого класса в звании камер-юнкера, заведующий Особенной частью Департамента полиции, — и едет подраться с горчишниками... Вощинин слушал без ухмылки, а когда узнал про три ножа, заволновался. Дело выходило серьезней, чем казалось изначально.

— Как же вы отбились, Алексей Николаич? Да еще прихватили одного. Городовые, пристав сказывал, уже бесчувственного вязали. Три ножа!

— Городовые помогли самим фактом своего присутствия. Сцепился я только с одним, и уже на виду у своих. А сначала удирал.

Платон Сергеевич сразу закивал:

— И правильно сделали. Нечего в героев-то играть, там kota за хвост не тянут! Нож в опытных руках страшнее револьвера.

И потер правый бок. Алексей вспомнил, что тот у начальника сыскной полиции порезанный. Пробили лихие ребята еще в семидесятых, когда Лыков арифметику в гимназии учил.

Сыщики отправились в антропометрическое бюро. Там пытались установить личность «Ивана Лавочкина». Тот держался спокойно и даже шутил — сразу видать бывалого человека. Чиновник

специальным циркулем мерял налетчику ухо. Вдруг Лыкову показалось, что в волосах фартового что-то мелькнуло. Он протянул руку, раздвинул пряди и увидел на темени странный шрам. Будто кто царапнул когтями по голове. Рана зажила, но волосы на этом месте не росли и образовалась фигурная проплешина в виде птичьего следа.

— Гусиная Лапа! — воскликнули разом и Алексей, и Платон Сергеевич.

— Ну, ваша взяла, — угрюмо пробурчал арестованный.

Это была большая удача. Оказалось, что Лыков захватил известного преступника Вафусия Студнева по кличке Гусиная Лапа. Отчаянный человек! Шесть лет квартировал на Горячем поле, попался, получил каторгу, сбежал с Сахалина и теперь находился в розыске. Петербургская сыскная полиция подозревала его в трех ограблениях, одно из которых закончилось смертоубийством.

— Теперь будет чем ведомость завершить! — обрадовался Воцинин. — Вот спасибо, Алексей Николаевич, удружили! Помянем вас обязательно!

Коллежский советник имел в виду сводку важнейших происшествий в столице, которая подавалась государю по понедельникам. Теперь в ней напишут: 5 июня 1892 года чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков арестовал на Пудожской улице опасного преступника. При содействии общей полиции. А сыскная его мигом опознала. В общем, все — герои.

Студнев уже смирился. Опытные фартовики относятся к свободе философски. Когда-нибудь да попадешься, если взял себе такую жизнь... Сейчас его отправят на Шпалерную, в предварительную тюрь-

му, где человека ждут почет и уважение. Гусиная Лапа — личность известная. Налетчик даже воспрянул духом. Вон как начальство обрадовалось! Значит, и оно почитает Вафусия! И вдруг ни с того ни с сего арестованный заявил Лыкову:

— Ваше высокоблагородие, а хотите, я вам тайну скажу?

— Хочу! — тут же ответил Алексей. С ним уже случилось, что уголовные без видимых причин неожиданно делали важные признания. Иногда из мести, но чаще из амбиции: вот, мол, какая я фигура, чего знаю.

Гусиная Лапа сделал глубокомысленное лицо и осмотрелся. Все в комнате притихли и пялились на него, даже сам начальник сыскной полиции.

— Но тока вам, потому — из уважения. Вы ведь Лыков господин?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Товарищи про вашу силу да смелость говорили. На Сахалине, в Корсаковской тюрьме. Я туда прибыл, когда уж вы обратно уплыли, маненько не застал.

— Было дело, служил я в Корсаковске. Так что ты имеешь сказать?

— Товарищи говорили, ваше высокоблагородие, что вы человек справедливый. А правда, будто вы арестанта, что на вашу личность с ножом бросился, вместо чем повесить, велели только выпороть?

— Правда. Пустой был человек, это его «иваны» заставили. Пожалел дурака.

— И не плетью, а просто розгами?

— Да. Но ты тайну-то будешь сказывать? Или нету никакой тайны, а так, язык почесать ляпнул?

— Есть! Есть тайна. Тока вам, за вашу справедливость, скажу. Сегодня ночью на костеобжигательном заводе будут мертвое тело жечь.

— Где именно? — выскочил вперед Вощинин. — Для чего?

Но Гусиня Лапа его игнорировал, пытливно глядя на Алексея.

— След заматают? — спросил тот.

— Надо полагать.

— На каком заводе? Их в городе четыре.

— Того не знаю. Но где-то на Гутуеве.

— Вот спасибо тебе, Вафусий Силыч! Буду думать, как тебе поблажку учинить.

— Вы мне уже учинили, ваше высокоблагородие, — серьезно ответил налетчик. — Тем, что руку не сломали или нутро не отбили, как Глазенапу¹. Ежли б я знал, что на Лыкова с ножом посягаю, сам бы бежал от вас быстрее пули.

Сыщики отошли в угол и стали там совещаться.

— На Гутуевском острове три завода, — стал загибать пальцы надворный советник. — Первый, самый маленький, — Грумбта. Это на Динабургской. Рядом с ним второй, Кобозева; он самый большой. А третий завод — Ильина. На котором из них?

— У Кобозева, — решительно заявил Вощинин. — Вот же темный человек! Давно мы вокруг ходим, а схватить не за что.

— Это тот, что Михаил Никитич? Почетный гражданин и благотворитель?

— Он, собачья суть! Главный в столице скупщик краденого. Владелец крупнейшей артели тряпич-

¹ См. книгу «Мертвый остров».

ников. И костеобжигательный завод у него тоже самый-самый. На Динабургской, повозле завода, трактир и доходный дом. Ну, как дом? Так, казарма для рабочих... А сама ставка Мишкина находится на Лиговке. Там полноценный притон: торговые бани, второй трактир и балаганы для тряпья. Благотворитель, мать его ети!

У Платона Сергеевича даже задержалось веко. Видать, почетный гражданин Кобозев сильно ему досадовал...

— Трактир на Лиговке — «пчельник»?¹— уточнил Алексей.

— Только отчасти. Обыватели туда тоже ходят, не одни фартовые. Но тон задают «красные»². И с ними у Кобозева крепкая стачка.

— А в чем его главное дело? Бани?

— Ну, там, конечно, незаконная проституция, но обороты дает артель. В балаганах, что во дворе, скупают и хранят краденое. Однако сделано так, будто сам Кобозев ни при чем, все отдано в аренду и скупку ведут приказчики. Ночью украли, под утро перешили и тут же выставили на Толкучем. Хозяин свою вещь уже не опознает.

— Облавы делали?

— Последний раз еще при Иване Дмитриевиче³, десять лет назад. Как стал Кобозев большой благотворитель, ходить туда мы прекратили. Начальство не одобряло...

¹ «Пчельник» — трактир-притон, куда ходят только уголовные (*жарг.*).

² «Красные» — воры (*жарг.*).

³ То есть при И. Д. Путилине, начальнике сыскальной полиции.

Лыков понял затруднение коллежского советника. Артели тряпичников тесно связаны с ворами и часто руководят ими. Тряпичники — и наводчики, и скупщики. Двадцать хозяев таких артелей держат весь воровской оборот столицы. У каждого свой «пчельник», свои шайки на прикорме, свои ночные портные и подпольные ломбарды. Высокий забор и злые собаки охраняют дом от непрошенных гостей. Разбогатец, хозяин артели ставит на довольствие участкового пристава и околоточного. Еще избирается в гласные думы, обзаводится посредниками и присяжными поверенными. И делается для полиции неуязвим.

— Платон Сергеевич, а может, это шанс? Найдем сегодня ночью на кобозевском заводе покойника — и прижмем стервеца?

Воцинин с сомнением покачал головой:

— Не сам же он будет его в печь совать? Но хоть кровь попортим аспиду. Так что новость все равно хорошая. Теперь главное не спугнуть!

Сыщики воротились к Гусиной Лапе. Тот сидел безучастный и скучал.

— Ваше высокоблагородие, на Шпалерной скоро ужин подадут! Я ж из-за своей доброты и голодным останусь! Это рази правильно?

— Последние два вопроса, Вафусий, и поедешь шамать, — успокоил фартового Лыков. — От кого ты узнал про покойника?

— В трактире подслушал, в «Любиме».

— «Любимов» в городе тоже не один. Это который на углу Виндавской и Динабургской?

— Точно.

— Кобозева заведение, — пояснил Воцинин. — Все сходится!